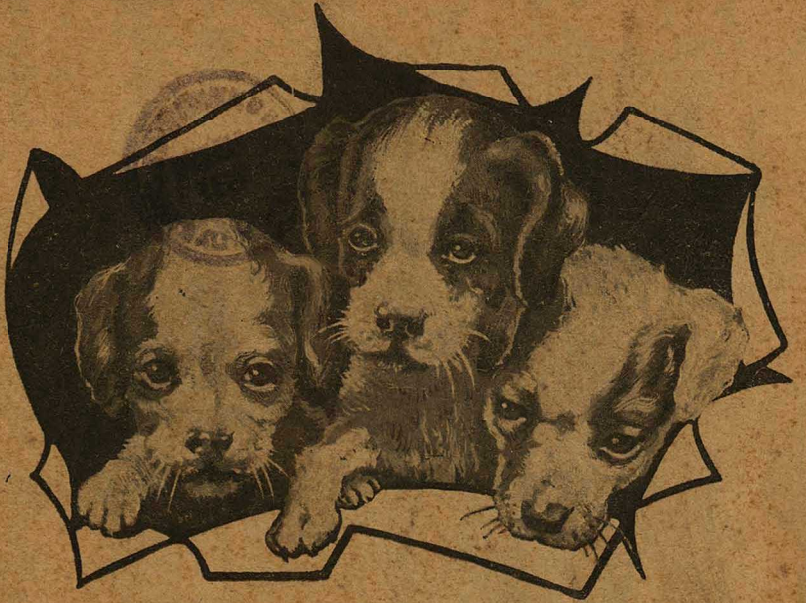

771 45
10
Годъ изданія десятый.

МАРТЪ.

№ 9.

1917.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

МАРТЪ (стих.).
ВЪ «УЛИЦѢ 19-го ФЕВРАЛЯ».
ВЕЛИКІЙ ПОСТЪ (стих.).
ПРИЕМЫШЪ (новѣсть)
СНѢЖНАЯ ФЕЯ.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Женская гимназія и квартира начальницы —

081124 110101

№ 9. Мартъ. 1917.

Годъ изданія X-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО.

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

ОТЪ РЕДАКЦИИ №№ 1 и 2 «Золотого Дѣтства» всѣ разошлись и будутъ отпечатаны вторымъ изданіемъ. Поэтому каждый новый подписчикъ получить всѣ уже вышедшіе №№, начиная съ № 3-го, а первые два номера, по отпечатаніи, будутъ высланы дополнительно.

Святая семья.

МАРТЪ.

Короче стала ночь и по утрамъ, за чаемъ,
Ужъ блѣдно не горять ни лампа, ни свѣча,
И на соснѣ, тотчасъ-же за сараемъ,
Ужъ видѣли въ гнѣздѣ прилетнаго грача.

Ужъ на дворѣ весна и тамъ, гдѣ солнце грѣеть,
На крышахъ таетъ снѣгъ и каплями течеть,
Дороги портятся, лѣса уже бурѣютъ
И быстро на прудѣ рыхлѣть ледъ.

Пройдутъ недѣли двѣ и побѣгутъ потоки,
Прольются воды въ разные концы,
Запрыгаютъ веселыя сороки
И прилетятъ шумливыя скворцы.

Ирисъ.

ВЪ «УЛИЦѢ 19-ГО ФЕВРАЛЯ».

Мы жили въ улицѣ, которая носила для насъ странное названіе: «Улица 19-го февраля». Мы знали, что она раньше называлась по причинѣ своей грязи «Киселюхой» и что въ городской думѣ по случаю двадцатипяти-лѣтія со дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости ее переименовали въ «Улицу 19-го февраля». Объ этомъ у насъ говорили какъ-то за столомъ; но почему именно 19-го февраля, а не марта и не іюля, и по поводу какого именно освобожденія крестьянъ и отъ чего именно, — мы не понимали.

И вотъ однажды случилось такъ, что мамы и папы не было дома, они уѣхали въ гости, и мы сидѣли одни съ няней Агафѣей Семеновной

и слушали ея рассказъ. Былъ февраль. Дуль вѣтеръ, и слышно было, какъ гудѣли голыми вѣтвями деревья. На всю гостинную горѣла одна только свѣча, было тепло и уютно, и мысль о томъ, чтобы и намъ тоже поѣхать куда-нибудь, вовсе даже и не приходила намъ на умъ, хотя все наше дѣтство и протекало въ глухой, отдаленной провинціи.

— Няня, расскажи намъ что-нибудь изъ твоей жизни, — пристали мы къ ней, хотя и знали чуть не наизусть всѣ ея рассказы. — Вѣдь ты была когда-то крѣпостной!. Расскажи намъ про крѣпостное право!

Няня сдвинула на лобъ очки, отложила въ сторону чулокъ и начала намъ свой рассказъ:

— Да, нагоревалась я тогда, ми-

лые мои, многого натерпѣлась, много было слезъ пролито! Тогда помѣщики еще владѣли крестьянами и могли ихъ закладывать и продавать. Я принадлежала барынѣ и жила у своего свекора Григорія, въ его избѣ, въ деревнѣ. Я только второй годъ была замужемъ. Моего мужа Алексѣя баринъ послалъ въ Москву въ извозчики и отбиралъ отъ него всѣ деньги, которыя онъ тамъ зарабатывалъ. Сами же баринъ съ барыней жили въ губернскомъ городѣ и только на лѣто прїѣзжали къ себѣ въ усадьбу, которая находилась верстахъ въ пяти отъ нашей деревни. Конечно, если бы мой мужъ Алексѣй былъ со мною, то онъ не далъ бы меня въ обиду и какъ нибудь устроилъ бы дѣло, а безъ него я не смѣла даже разинуть рта.

Въ отсутствіе мужа у меня родился ребеночекъ, которому батюшка далъ при крещеніи имя Петруша. Я пронянчила его около себя всего только девять дней, какъ вдругъ приходитъ къ намъ въ избу барскій управляющій Иванъ Назарычъ, котораго мы всѣ, крѣпостные, звали бурмистромъ, и говорить моему свекору:—

—Григорій, говоритъ, баринъ прислалъ письмо и приказалъ немедленно же отправить твою молодайку Агафью, —это меня, значить,—въ губернской городъ.

— Зачѣмъ? удивился мой свекоръ.

— Въ кормилицы. У барыни то-

же родился сыночекъ, Агафья будетъ его кормить.

— А какъ же ея Петька?

— Обойдется и такъ! Не барское дите! Обойдется и безъ матери!..

Бурмистръ ушелъ, мой свекоръ со свекровью поговорили между собою и рѣшили отправить меня въ городъ. Мужъ мой Алексѣй ужъ четвертый мѣсяць былъ въ Москвѣ, я цѣликомъ была во власти свекра, и не послушаться его было нельзя. Разъ приказывали господа, то для ихъ крестьянъ ихъ воля была—законъ.

Все время я плакала и никакъ не могла наглядѣться на своего Петрушу, съ которымъ мнѣ приходилось теперь разстаться на долгое время.

Стали меня собирать въ дорогу въ кормилицы къ господамъ. Въ день отъѣзда моя свекровь Пелагея отваживала моего ребеночка отъ меня и давала ему сосать тряпку, смоченую въ коровьемъ молокѣ, чтобы онъ поскорѣе отвыкъ отъ меня. И только передъ самымъ отъѣздомъ дали мнѣ на Петрушу поглядѣть. Когда я прощалась съ нимъ, то онъ, голодный, плакалъ и тянулся къ моей груди. Но его до меня не допустили.

— Маль, глупенекъ, оттого и питить! сказала Пелагея. — Привыкнетъ! Не господское дите. Ну поѣзжайте съ Богомъ!

Прїѣхали мы въ городъ. Свекоръ Григорій оставилъ лошадей на постояломъ дворѣ и повелъ меня къ

барынь. Вошли съ задняго крыльца и долго ее дожидались на кухнѣ.

— Въ кормилицы, что-ли? спросилъ Григорій поварь.

— Такъ точно... отвѣтилъ онъ.— Доложите барынь!

— А свой-то ребенокъ развѣ у нея померъ?

— Нѣтъ, живъ, слава Тебѣ, Господи!

—Какая же она мать, если свое дите бросаетъ?.. Собакѣ и той своего щененка жалко!

Я вытащила платокъ и стала утирать имъ глаза.

— Что подѣлаешь? вздохнулъ Григорій.—Такъ приказала барыня... Воля господская! А вы не сумлевайтесь: дома при ребенкѣ моя баба осталась. Усмотреть!

— Все не мать родная! вздохнулъ поварь.

Меня ввели въ дѣтскую, и въ первое время все было для меня чудно: и слабенькій мальчикъ барыни, сосавшій мою грудь, и сама барыня, и пища, и тотъ костюмъ, въ который меня нарядили. Григорій въ тотъ-же вечеръ уѣхалъ обратно къ себѣ въ деревню, и мнѣ показалось, что теперь уже для меня все кончено и что вмѣстѣ съ уходомъ свекра для меня уже навѣки прервалась всякая связь съ деревней и съ моимъ сынкомъ, который остался теперь такъ далеко одинъ, на рукахъ у чужихъ для меня людей и дороже котораго для меня ничего не было на свѣтѣ. Мой Петя не

шелъ у меня изъ ума, видѣлся мнѣ по ночамъ, чужой ребенокъ былъ безпокойный, и мнѣ приходилось спать только урывками и сидя, и тѣ шелковыя ленты, которыя спускались у меня съ кокошника вдоль спины, казались мнѣ огненными и жгли меня. Барыня часто ѣздила въ гости и въ театръ, поздно возвращалась домой и рѣдко занималась со своимъ ребенкомъ. Для него было нашито много нарядовъ, разныхъ капоровъ, чепцовъ и салопчиковъ для гулянья, но ребенокъ все время плакалъ, потому что нуждался въ нихъ столько же, сколько и я въ лентахъ, спускавшихся у меня съ кокошника. И по мѣрѣ того, какъ проходило время и я кормила его, онъ все больше и больше начиналъ мнѣ нравиться, я привязалась къ нему и сама, и если-бы могла имѣть при себѣ еще и своего Петрушу, то больше мнѣ ничего и не было-бы нужно. И каждый день я хотѣла броситься передъ барыней на колѣни и выпросить у нея позволенія привезти въ губернскій городъ и моего сынка. Но барыня не позволила мнѣ даже и заикаться объ этомъ и только сказала:—Я напишу бурмистру въ деревню письмо... Онъ все узнаетъ о твоёмъ Петкѣ и отвѣтитъ тебѣ.

Черезъ мѣсяць бурмистръ прислалъ къ барынь зачѣмъ-то моего свекра Григорія. Онъ пріѣхалъ къ намъ, бухнулъ барынь въ ноги, и я узнала отъ него, что мой Петруша чѣмъ то боленъ, но чѣмъ именно,

такъ я отъ него толку и не доби- лась.

— Все время кричить..., сообщилъ онъ.— Должно быть не жилецъ онъ на бѣломъ свѣтѣ! И глазки словно бы мутные какіе... Надо быть, что скоро умреть!..

У меня замерло подь сердцемъ, и слезы потекли по щекамъ. Бѣд- ный мальчикъ! Онъ имѣетъ родную мать, но ее отняли у него, отдали другому, и теперь онъ одинъ безъ нея скучаетъ и чѣмъ-то боленъ.

— Нѣтъ! рѣшила я,—я брошу все, своего питомца, барыню и по- лечу сейчасъ же въ деревню къ сыну!

Я подошла къ барынѣ и со стра- хомъ сказала:

— Барыня, отпустите меня къ сыночку...

— Да ты съ ума сошла, Агафья! крикнула на меня барыня.— На ко- го-же я оставлю Володю? Нѣтъ, ужъ ты пожалуйста не выдумывай пустя- ковъ!

— Да какіе-же это пустяки, ба- рыня?.. Отпустите, Христа ради...

Я расплакалась и долго не могла успокоиться. Барыня сама вышла къ Григорію и приказала ему припугнуть меня. Григорій вызвалъ меня въ кух- ню, ударилъ меня и крикнулъ:

— Слушайся барыню! Развѣ ты не знаешь, что она наша госпожа?

Я возвратилась изъ кухни въ дѣтскую и низко склонилась надъ ребенкомъ, такъ-что почти вся уш- ла въ его люльку, горько заплакала,

а чтобы не выдать своихъ слезъ, стала напѣвать надъ ребенкомъ пѣс- ню. Это смѣшеніе пѣнія со слезами мнѣ и самой показалось непріятнымъ, и я скоро умолкла. А потомъ, по- нявъ, что меня разлучили съ моимъ Петрушей навсегда, я бросилась къ Володѣ и стала цѣловать его въ глаза, въ щеки, въ грудь, куда попало.

— Теперь моимъ сынкомъ будешь ты! сказала я.—Я не разстанусь боль- ше съ тобой никогда!

По веснѣ поѣхали въ усадьбу. Когда мы подѣзжали къ нашей деревнѣ, то я съ замираніемъ серд- ца глядѣла, когда покажется вдругъ наша изба. Этотъ день былъ для меня точно Свѣтлый праздникъ. Точно я нѣсколько лѣтъ провела въ ссылкѣ и получила, наконецъ, право возвратиться на родину. [Всю дорогу, пока ѣхали, мнѣ такъ и хо- тѣлось соскочить на землю, снять башмаки и босикомъ пробѣжаться по травѣ, походить по полю, и что- бы тутъ-же со мною былъ и мой сынокъ Петруша! Нѣтъ, не одинъ онъ, а и Володя!

«Теперь они все одно, что братья», думала я.

Пора была рабочая, всѣ сѣялись, и когда тарантасъ подѣхалъ къ нашей деревнѣ, то я отпросилась у барыни и пошла провѣдать моего сынка. Барыня позволила, и я стала подниматься въ горку, и меня не встрѣтилъ рѣшительно никто.

— Смотри-же, Агаша! крикнула мнѣ барыня.—Больше часу не сиди!

Я побѣжала вдоль по улицѣ и, громыхая на бѣгу монистами, не могла наглядѣться на свою деревню. Ленты отъ кокошника развѣвались у меня по сторонамъ, за мною гналась собака и лаяла, а я все бѣжала и бѣжала. Вотъ одна изба, вотъ другая, а вотъ и изба Григорія. Сейчасъ я увижу своего сына...

Съ замираніемъ сердца я отворила дверь и вошла въ горницу. Въ ней никого не было. На полу сидѣлъ маленькій ребеночекъ съ тоненькой шейкой и впалыми щечками: онъ макалъ корку чернаго хлѣба въ чайную чашку съ водой и сосалъ ее. Вся мордочка его была обмазана хлѣбомъ, блѣдненькій, съ свѣтящимися насквозь ушками, онъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на меня ярко-голубыми глазками. У него давно уже не были стрижены ноготки и рубашонка была такая грязная, что страшно было глядѣть. Сердце у меня сжалось и глаза наполнились слезами.

— Петечка! воскликнула я.—Свѣтикъ ты мой! Здравствуй!

Онъ посмотрѣлъ на меня и улыбнулся на мой кокошникъ.

Я схватила его на руки, прижала его къ сердцу, но онъ меня не узналъ испугался, неслышно заплакалъ и потянулся отъ меня прочь. Онъ отвыкъ отъ меня и не узналъ своей матери.

Я посадила его обратно на полъ, сѣла на лавку и стала плакать.

Вошла свекровь Пелагея, начались распросы, ахи, охи. Поставили за-

тѣмъ самоваръ, я вылила его въ корыто, разбавила водой и вымыла Петрушу. Дали ему молока и уложили спать. А тѣмъ временемъ часъ уже прошель и надо было пѣшкомъ отправляться къ господамъ въ усадьбу. Мнѣ ужасно не хотѣлось уходить, жаль было разставаться съ сыномъ, но дѣлать было нечего. Я поцѣловала его, перекрестила, отозвала бабку Пелагею и сунула ей въ руку рубль.

— Побереги его, свекровушка! сказала я, а слезы такъ и полились у меня по щекамъ.—Я тебя не забуду.

— И, полно, касатка! заплакала вмѣстѣ со мной и Пелагея. — Я-ли его не берегу? Да и то сказать: не господское вѣдь дите! А что у насъ нѣтъ молока, нечѣмъ его кормить, такъ воля не наша. Одна была у насъ корова, да и та пала.

Тогда я поняла, что моему Петрушѣ не сдобровать. Я вернулась къ барынѣ, долго плакала у колыбельки Володи, молилась Богу и подъ конецъ рѣшила уйти къ своему ребенку. Но какъ было оставить Володю безъ молока? Вѣдь я выкормила его, выносила на рукахъ и провела надъ нимъ столько безсонныхъ ночей! Неужели я рѣшилась-бы бросить его одного? И чѣмъ больше я думала о немъ, тѣмъ все чаще и яснѣе сталъ представляться мнѣ мой сынокъ, блѣдненькій и худенькій, котораго ожидала у свекрови голодная смерть.

И я рѣшила открыться во всемъ повару Никандру.

— Надо мужу твоему написать, сказалъ онъ.— Мужу твоему, въ Москву, стало быть, надо обо всемъ написать. Какъ онъ рѣшитъ, такъ тому и быть.

Онъ былъ у насъ грамотѣй и дѣйствительно написалъ моему мужу обо всемъ. Каково-же было мое удивленіе, когда въ нашей усадьбѣ вдругъ неожиданно появился мой мужъ!

— Алеша! испугалась я.— Что ты надѣлалъ? Какъ ты смогъ безъ барскаго позволенія бросить Москву и явится сюда?

Онъ заплакалъ и показалъ мнѣ на узелокъ, который принесъ къ намъ съ собой.

Я заглянула въ него и въ ужасѣ отшатнулась назадъ. Въ немъ лежалъ чуть живой нашъ Петруша.

— Умираетъ... — сказалъ онъ.— Чуть живой... Надо-же пожалѣть и его!

На утро мы оба явились къ господамъ и упали имъ въ ноги.

— Отпусти насъ, баринъ! сказали мы.— У насъ умираетъ сынокъ!

Увидѣвъ Алексѣя, баринъ вскочилъ съ кресла, затрясся всѣмъ тѣломъ и позеленѣлъ. Мы думали, что съ нимъ сдѣлается ударъ.

— Какъ?! закричалъ онъ.— Ты осмѣлился явиться сюда безъ моего позволенія? Вотъ я прикажу сейчасъ тебя выдрать плетью!

Краска бросилась моему мужу въ лицо.

— Баринъ! сказалъ онъ.— Подождите меня драть, теперь уже поздно!.. Въ Москвѣ уже всѣ говорятъ, что въ этомъ году Государь насъ отпустить на волю!

— На волю? закричалъ баринъ.— Ахъ, ты вольнодумецъ негодный! Да я дамъ тебѣ сейчасъ такую волю, что ты своихъ не узнаешь!

Баринъ схватилъ трубку и ударилъ его изо всѣхъ силъ по головѣ.

— Въ Сибирь! закричалъ онъ.— Отдать его сейчасъ-же въ солдаты. Немедленно-же забрить ему лобъ!

Три дюжихъ мужика подскочили къ моему мужу и скрутили ему руки назадъ. По приказанію барина, они отвели его въ амбаръ и тамъ заперли его на ключъ.

Я подняла съ полу своего ребенка и понесла его въ кухню. Поваръ Никандръ взялъ его у меня изъ рукъ и отнесъ его къ себѣ въ каморку.

— Ужо, какъ свечерѣетъ, сказалъ онъ,— я отнесу его въ деревню къ твоей свекрови!

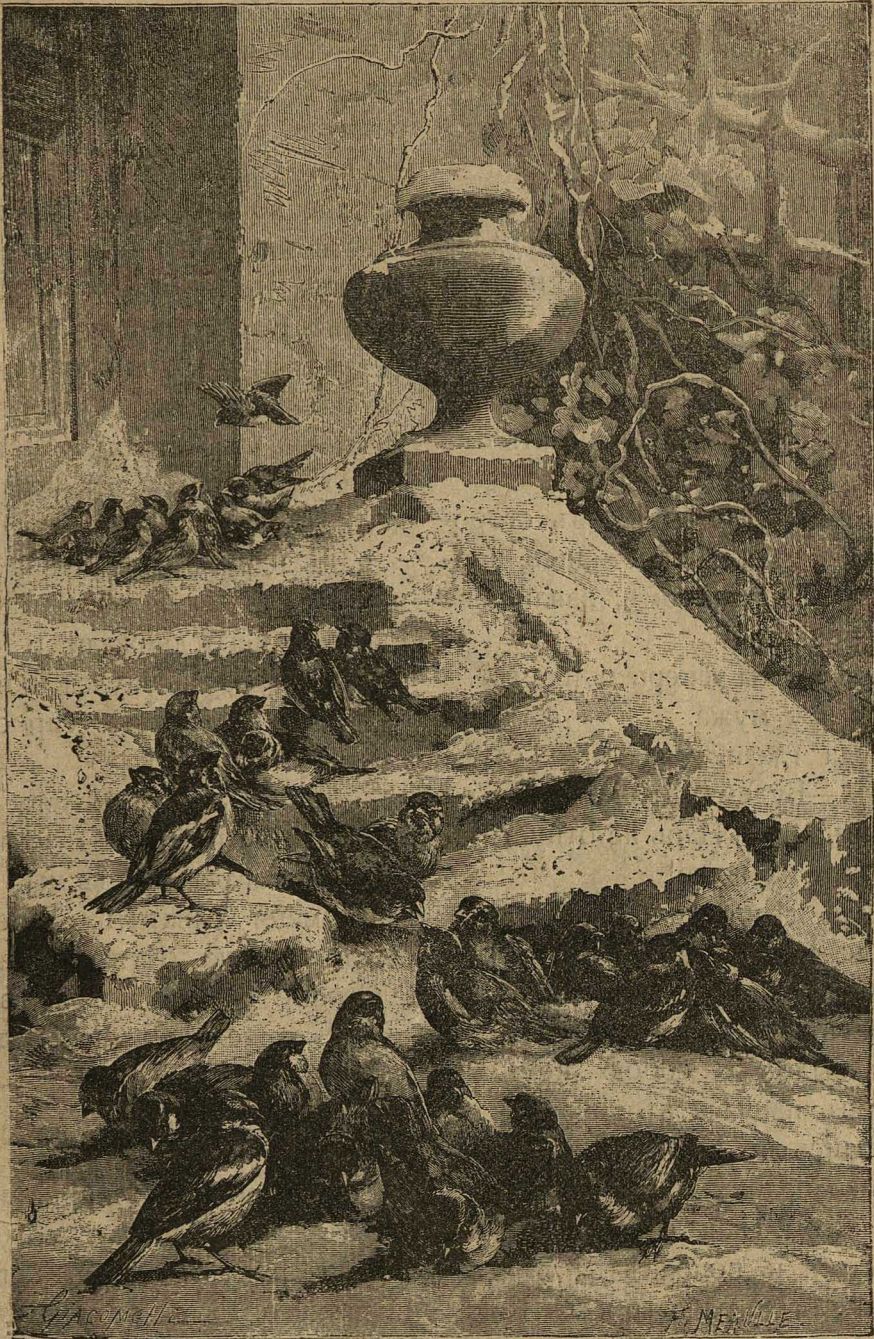
Въ тотъ-же день баринъ послалъ верхового въ городъ къ исправнику съ приказаніемъ забрить моего Алексѣя въ солдаты. Я плакала, еле держалась на ногахъ и не помню, какъ кормила Володю.

Ночью ко мнѣ въ дѣтскую вдругъ постучался поваръ Никандръ.

— Выйди-ка на минутку ко мнѣ, шепнулъ онъ, когда я отворила ему окно.

— А это мы опять!

Скоро весна..

Я вышла. Онъ взялъ меня за руку и вывелъ за садъ. Тамъ поджидалъ меня мой мужъ. Его выпустилъ изъ амбара Никандръ. На рукахъ у Алексѣя былъ нашъ Петруша.

— Бѣгите, пока не поздно!—сказалъ Никандръ. — Скоро Государь всѣмъ намъ дастъ волю, уже не долго осталось ждать.

— А какъ же Володя?—сказала я.

— Обойдется и безъ тебя! Все равно его скоро надо отнимать отъ груди!

Я вздохнула, поглядѣла въ сторону усадьбы, мы перекрестились, простились съ Никандромъ, взяли за руки и пошли.

— Куда-же мы теперь пойдѣмъ?—спросила я у мужа.

— Куда глаза глядятъ!— отвѣтилъ онъ.—Будемъ странствовать до тѣхъ поръ, пока Царь не отпуститъ насъ всѣхъ на волю!

Мы шли цѣлую ночь и къ восходу солнца дошли до Волги. Тамъ мы сѣли на барку и спустились на ней верстъ на пятьдесятъ внизъ. У Алексѣя было съ собою немного денегъ, онъ нанялся въ грузчики, и мы укрылись въ землянкѣ у одного добраго человѣка и прожили у него до зимы. Нашъ Петруша сталъ поправляться и пополнѣлъ. Зимой у мужа не было работы, и мы голодали и перебивались кое-какъ. А потомъ, когда мы уже совсѣмъ отошдали и нечего было дать поѣсть даже нашему сыночку, то мужъ рѣ-

шилъ отправиться въ городъ и поискать себѣ тамъ работы.

— Ты жди меня здѣсь,—сказалъ онъ,—а я дня черезъ два къ тебѣ вернусь.

Онъ ушелъ, а я осталась одна. Сердце во мнѣ трепетало и я почувствовала, что будетъ что-то недоброе. Весна въ тотъ годъ была ранняя, Волга прошла еще въ концѣ февраля и, какъ диковина, появился на ней пароходъ. Онъ шель изъ Нижняго въ Астрахань, остановился около насъ и мы всѣ выбѣжали на него глядѣть.

Какъ вдругъ около меня появился мой мужъ. На немъ не было лица. Губы у него дрожали и онъ весь какъ-то сразу осунулся и похудѣлъ.

— Что съ тобою?—спросила я его въ испугѣ.

— Сейчасъ я встрѣтилъ въ городѣ за собой погоню—отвѣтилъ онъ. Баринъ догадался, гдѣ мы, и приказалъ меня схватить. Теперь насъ сошлютъ, какъ бѣглыхъ, въ Сибирь.

Сердце у меня похолодѣло.

— Что-же теперь намъ дѣлать?—спросила я у Алексѣя.

— Бѣжимъ!..

— Куда?!

Въ это время отъ пристани отваливалъ пароходъ. Алексѣй схватилъ меня за руку и силою втащилъ меня на него. Раздался свистокъ и мы очутились на серединѣ Волги и поплыли невѣдомо куда. Когда мы были отъ берега уже далеко, то намъ видно было, какъ у пристани по-

явились вдругъ нашъ бурмистръ и полицейскій засѣдатель и оглядывались по сторонамъ. Это они искали насъ.

Цѣлыя четверо сутокъ мы плыли внизъ по рѣкѣ. А на пятые сутки, повсюду, куда только мы ни приставали, стали звонить колокола. Былъ будень, но народъ весело расхаживалъ по берегу, подбрасывалъ шапки вверхъ и кричалъ ура.

— Что нынче за праздникъ?—спросила я у одного мужичка, когда мы пристали къ какому-то селу съ двумя церквами, на которыхъ, точно на Пасху, звонили колокола.

— А ты и не знаешь?—отвѣтилъ онъ.—Ахъ, ты простота! Да вѣдь Государь насъ всѣхъ отпустилъ на волю! Теперь ужъ мы всѣ не крѣпостные, а такіе же свободные, какъ и господа!

Я не вѣрила своимъ ушамъ. Около меня стоялъ мой мужъ и слезы радости вдругъ брызнули у него изъ глазъ.

— Воля! воскликнулъ онъ.—Воля!

И больше онъ не могъ говорить ничего.

Успокоившись немного, мы сошли на берегъ и отправились въ церковь. Она была биткомъ набита народомъ. Одни входили, другіе выходили, всѣ поздравляли другъ друга съ волей и цѣловались, какъ на Пасху. Когда мы вошли въ церковь, то батюшка громко читалъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ изъ подъ власти помѣщиковъ.

— «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ—залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго»... Такъ къ намъ, простымъ, подвластнымъ мужикамъ, обращался Царь-Освободитель Александръ Второй.

Теперь мы были свободны, уже не принадлежали нашимъ господамъ, какъ лошади или овцы, и могли идти, куда хотѣли. Теперь мы были такъ-же свободны, какъ и сами наши господа, и моего мужа никто не смѣлъ забрить за провинность въ солдаты и сослать безъ суда въ Сибирь, а меня лишить моего сыночка навсегда.

И оба мы упали въ церкви ницъ и плакали, плакали безъ конца.

Няня смолкла и, полная воспоминаній, безмолвно стала глядѣть въ пространство. На дворѣ по прежнему гудѣлъ въ деревьяхъ вѣтеръ и котъ Матроска потягивался у печки. Мы глядѣли на ея старческіе глаза и намъ казалось, что мы видѣли въ нихъ все то, что видѣли и они, и чувство глубокаго уваженія къ старушкѣ наполнило наши души.

— Но при чемъ-же здѣсь 19-е февраля? вдругъ перебила наши думы наша маленькая сестренка Соня.

Старушка встряхнулась, поправила на себѣ косынку и отвѣтила:

— А при томъ, что это освобожденіе случилось 19-го февраля!.. Ну, дѣтки, пора уже и спать! Помолитесь

Боженькѣ и ложитесь въ постельки! память чего наша улица Киселюха
 Мы послушно, гурьбою, отправи- была переименована въ «Улицу
 лись спать, но еще долго лежали 19-го февраля». М. Ч.
 на кроваткахъ и думали о томъ, въ

ВЕЛИКІЙ ПОСТЪ.

Уже великій постъ... Звонить звонарь уныло
 И каяться въ грѣхахъ людей зоветъ.
 Струится дымъ печальный изъ кадила
 И лишь одинъ дьячекъ читаетъ и поетъ.
 Читаетъ долго онъ... Потомъ ему отвѣтитъ
 Священникъ въ алтарѣ—и вновь читаетъ онъ....
 А солнце вешнее въ окошки такъ и свѣтитъ,
 Такъ и играетъ блестками на вѣнчикахъ оконъ!

Но вотъ ужъ и конецъ... Міряне со свѣчами
 Подходятъ чередой, всякъ исповѣди ждетъ...
 Потомъ причастіе... А солнышко лучами
 Такъ и слѣпитъ глаза, такъ сбоку и печетъ!

И такъ захочется вдругъ стать святымъ, лучистымъ,
 Какъ этотъ ясный день, какъ этотъ легкій дымъ.
 Такъ хочется всегда остаться кроткимъ, чистымъ
 И, какъ ребенокъ маленькій, быть нѣжнымъ и простымъ!..

Ирисъ.

П Р И Е М Ы Ш Ъ.

Повѣсть.

(Продолженіе).

Всю ночь Женя не могла уснуть о которой упомянула ей старуха
 и все думала о Сергѣѣ Андреевичѣ Егоровна? И неужели-же этой семьѣ,
 и о Нинѣ Петровнѣ. Кто этотъ не- къ которой Женя уже такъ привык-
 извѣстный Аркадій, о которомъ они ла, какъ къ родной, грозила такая
 говорили въ аллеѣ? Кто та дѣвочка, большая опасность? Неужели слова

Сергѣя Андреевича оправдаются и вся его семья останется нищей?

Женя ворочалась, негодовала на себя, что такъ нечаянно подслушала разговоръ, который смутить ея сердце и въ то-же время была довольна, что узнала такую важную тайну, въ которой ей хотѣлось-бы сыграть роль спасительницы или въ крайнемъ случаѣ быть полезной. Но какъ ни была она взволнована, все таки молодость взяла свое и она подъ утро крѣпко заснула.

Когда она проснулась, то было уже поздно. Всѣ встали и отпили кофе и чай. Дѣти были уже въ саду, играли гдѣ-то далеко и во всемъ домѣ было тихо. Сергѣй Андреевичъ уѣхалъ верхомъ въ поле, Нина Петровна сидѣла у себя и вышивала. Женя хотѣла-было поздороваться съ ней, но увидѣвъ, что дверь къ ней была закрыта, не стала ее беспокоить и прошла въ столовую. Тамъ стоялъ кофейникъ и кипѣлъ, очевидно дожидаясь ея. Ей стало неловко, она отпила наскоро кофе и побѣжала къ старухѣ.

Было ясно и свѣжо; кажется, былъ утренникъ. На солнцѣ было жарко, а въ тѣни холодно и небо было такъ сине и глубоко, точно на Югѣ. Женя бѣжала и вдыхала въ себя здоровый, бодрящій воздухъ и ей казалось, что среди этихъ лѣсовъ и полей она была у себя дома и самая мысль о томъ, что когда-нибудь она уѣдетъ отсюда, пугала ее и уже казалась ей странной.

Но вотъ уже и деревня, вотъ и избушка Егоровны. Дверь оказалась незапертой и Женя въ нее вошла.

— Кто тамъ? спросила старушка, заслышавъ ея шаги.

— Это я, бабушка, ласково отвѣтила дѣвочка.—Пришла тебя провѣдать. Какъ твое здоровье?

Старуха лежала въ постели; ей было не по себѣ. Кругомъ было холодно и неуютно. Печь была не топлена.

— Ахъ, это ты, моя сударушка? простонала Егоровна.—Ну, спасибо тебѣ, что ты пришла!.. А я вотъ хвораю нынче... Моченьки моей нѣтъ.

Женя поняла, что она не вставала съ самаго утра.

— Да ты, бабушка, фла-ли сегодня что-нибудь? спросила она.

— Нѣтъ еще, милая, не фла... отвѣтила Егоровна.—Гдѣ ужъ?.. Вотъ полежу еще немного, отлежусь, да и встану... Тогда и поѣмъ!

— Женю больно кольнула въ сердце безпомощность старухи. Она вспомнила, что у нея были куры и коза и, не сказавъ ни слова, взяла съ полки чашку и вышла на дворъ. Оглядѣвшись по сторонамъ, она замѣтила дверь въ хлѣвокъ и открыла ее. Давно уже ожидавшія свободы куры выпорхнули изъ нея, она вошла въ хлѣвокъ и заглянула въ гнѣздо: тамъ оказалось свѣженькое, только что снесенное яичко. Она взяла его и отложила въ сторону. Затѣмъ она подошла къ козѣ, приласкала ее и подоила въ чашку. Под-

нявши затѣмъ съ земли яйцо, она возвратилась къ старушкѣ.

— Попей, бабушка, молочка!.. сказала она.—А вотъ и яичко! Я сейчасъ тебѣ его сварю!

— Ахъ, ты моя красавица!.. воскликнула Егоровна.—Да откуда тебя прислалъ ко мнѣ Господь!..

Женя поднесла къ ней чашку, Егоровна приподнялась, подложила себѣ подъ спину подушку и попила. Затѣмъ Женя поставила ей самоваръ. Самоварчикъ былъ небольшой, угли и лучина были приготовлены еще съ вечера, и когда онъ скипѣлъ, то она напоила старушку чаемъ и сварила для нея яйцо. Егоровна смотрѣла на нее старческими ласковыми глазами, качала головой и все крестилась.

— Пошли тебѣ, Господь, счастья, моя ненаглядная! шептала она.—Матерь Божія, возблагодари тебя столицею за твою ласку и доброту!

Женя кормила ее и все время косилась на фарфоровые часы. Почему они находятся именно здѣсь? Отчего такъ дорожить ими старуха Егоровна? Они стояли и все переднее стекло на нихъ было засижено мухами. Женѣ ужасно, неудержимо захотѣлось вдругъ взять ихъ въ руки, осмотрѣть ихъ со всѣхъ сторонъ и обтереть на нихъ стекло, но она постѣснялась.

— Ну, бабушка, мнѣ пора! сказала она наконецъ.—Прощай! Меня ждуть дома!

Старушка притянула ее къ себѣ и

молча благословила ее большимъ крестомъ. Такъ дѣлала она въ былые годы, когда укладывала еще покойнаго инженера Кирсанова въ постельку и желала ему счастливаго сна.

— Прощай, моя золотая! отвѣтила она.—Господь тебя благословитъ!

Женя возвратилась домой къ самому завтраку. Сергѣй Андреевичъ еще не пріѣзжалъ. Нина Петровна попрежнему сидѣла у себя съ спальною, а Дима и Вѣрочка подумали, что Женя проснулась только сейчасъ и только что вышла изъ своей комнаты, запрыгали вокругъ нея и стали ее дразнить:—

— Засоня! Засоня! кричали они.— Любишь долго спать! Ай—ай—ай! Засоня! Стыдно! Стыдно!

Она не возражала имъ и принялась раскладывать имъ завтракъ. Дѣти бѣли одни и Женя была теперь за хозяйку. Прасковья стояла у двери и, подперши щеку ладонью, радовалась на нее и причитала:—

— Ахъ, ты наша хозяйшкa ненаглядная! Вѣдь какъ своими рученьками-то на тарелки всѣмъ накладываетъ! И уродитъ-же Господь такое дите!

Послѣ завтрака дѣти снова были предоставлены самимъ себѣ и Женя торжествовала: она во второй разъ побѣждала къ Егоровнѣ.

— Здравствуй, бабушка! воскликнула она.—Вотъ и я опять! Я принесла тебѣ сахарцу и цвѣтовъ!

Егоровна все еще лежала въ постели.

— Спасибо, милая... тихо отвѣтила она.

Женя опять поставила самоваръ, накормила ее и напоила чаемъ.

— Который часъ? спросила Егоровна.

— Уже четыре, отвѣтила Женя.— Когда я выходила изъ дому, то было три.

И она невольно посмотрѣла на стоявшіе на полочкѣ фарфоровые часы.

— Бабушка, позволь, я заведу часы! предложила она и почувствовала, какъ кровь бросилась ей въ лицо. — Тогда ты будешь знать, сколько времени...

Старушка подумала и тихо отвѣтила:—

— Ну, заведи!..

Женя подошла къ полочкѣ и трепетными руками коснулась часовъ. Она обмочила кончикъ полотенца въ водѣ и отерла на нихъ переднее стекло и смела съ фарфора пыль. Затѣмъ, не зная, откуда завести, она повернула часы къ себѣ задней стороною и отворила дверцу. Что-то маленькое, металлическое, выскочило изъ нихъ и упало на полъ. Женя была слишкомъ взволнована и занята своимъ дѣломъ и не замѣтила этого. Она заглянула внутрь часовъ, чтобы понять, какъ они заводятся, и вдругъ, къ удивленію своему, увидѣла въ нихъ небольшой конвертъ. Онъ уже пожелтѣлъ отъ времени и расклеился отъ сырости и, повидимому, въ него былъ

вложенъ какой-то предметъ, который сейчасъ и вывалился изъ него.

«Что бы это такое могло быть?» подумала Женя.

Она поглядѣла украдкой на старушку. Егоровна лежала на спинѣ, съ закрытыми глазами и ничего не видала. Тогда Женя вынула изъ часовъ конвертъ и оглядѣла его со всѣхъ сторонъ. Онъ былъ маленький, изъ толстой бумаги и на немъ была сдѣлана слѣдующая надпись:

«Моей воспитанницѣ Евгеніи, когда ей исполнится 10 лѣтъ».

Сердце у Жени забилося. Ей сразу же пришло на умъ все, что успѣла уже рассказать ей Прасковья о томъ, какъ покойный инженеръ Кирсановъ каталъ ее въ колясочкѣ по аллеямъ парка, и припомнились разговоры объ этихъ фарфоровыхъ часахъ и опасенія Сергѣя Андреевича. Неужели-же эта воспитанница инженера—именно она, Женя, неужели это письмо адресовано именно къ ней? Но она была слишкомъ далека отъ всего этого, чтобы долго останавливаться на предположеніяхъ, и стала отыскивать то мѣсто, гдѣ нужно было завести часы. Найдя наконецъ заводъ, она повернула нѣсколько разъ пружину и толкнула маятникъ. Онъ затикалъ и часы пошли. Старушка все еще лежала съ закрытыми глазами. Женя положила конвертъ обратно на прежнее мѣсто, повернула часы лицомъ, перевела стрѣлки, часы пробили четыре, и, довольная собою, что не уступила искушенію

Яблони цвѣтутъ.

Она повернула часы къ себѣ задней стороной и отворила дверцу.

и не заглянула въ конвертъ, она отправилась къ старушкѣ. По пути къ ней она на что-то наступила. Она нагнулась и подняла съ полу небольшой ключъ. Онъ былъ старинной работы и никоимъ образомъ не могъ относиться къ вещамъ Егоровны. Она оглядѣла его со всѣхъ сторонъ и подошла къ старушкѣ.

— Бабушка, сказала она, — это ты, должно быть, потеряла ключикъ?

— Что? спросила Егоровна.

— Это не ты потеряла ключикъ?

— Нѣтъ, милая, это не мой, отвѣтила она. — Положи его куда-нибудь.

Женя положила ключъ на полочку подъ образомъ, простилась съ Егоровной и побѣжала домой.

Шель уже пятый часъ. Женя бѣжала, насколько хватало у нея силъ. Щеки у нея пылали. Мысль о томъ, что ее могутъ хватить дома и начать искать, беспокоила ее, къ тому-же ее волновало и то, что она узнала какую-то тайну, смысла которой она еще не понимала, но о которой догадывалась, что это дѣйствительно была тайна. Не могло быть никакого сомнѣнія, что Егоровна берегла эти часы именно только потому, что знала, что въ нихъ находилось письмо, которому она придавала большое значеніе и которое вмѣстѣ съ часами должна была передать какой-то таинственной Евгеніи.

Кто-же была эта Евгенія? Что содержало въ себѣ это письмо?

Женя бѣжала, задыхалась, задавала себѣ вопросы, на которые не мог-

Женя ясно разслышала, какъ онъ читалъ.

ла дать отвѣтъ и то и дѣло хваталась за сердце.

Дома ея дѣйствительно уже хватились. Ее нѣсколько разъ спрашивалъ Сергѣй Андреевичъ, дѣти искали ее по всему парку; вышла блѣдная, утомившаяся отъ головной боли Нина Петровна и первымъ дѣломъ позвала ее къ себѣ. Но ея не было нигдѣ. А когда она пришла домой и всѣ бросились къ ней съ разспросами, то она овладѣла собой и, какъ ни въ чемъ не бывало, сообщила, что была у старой Егоровны, которая больна такъ, что не встаетъ, что подоила у нея козу и поставила самоваръ—и рассказала это такъ просто, что Сергѣй Андреевичъ поцѣловалъ ее въ лобъ, а Нина Петровна потрепала по щекѣ. Дима и Вѣрочка смотрѣли на нее, какъ на героиню.

Вечеромъ, оставшись одна, Женя еще долго думала о часахъ и о письмѣ.

«Кто-же это такая воспитанница Евгения?» думала она. — «Къ кому это письмо?»

И ей хотѣлось пойти къ Сергѣю Андреевичу, отозвать его въ сторону и рассказать ему обо всемъ, но врожденная деликатность удержала ее и она рѣшила оставить дѣло до утра или, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока оно не заговоритъ о себѣ само.

Въ девятомъ часу, когда всѣ сидѣли при свѣтѣ большой лампы вокругъ стола и Сергѣй Андреевичъ

раскладывалъ пасьянсъ, а Нина Петровна перелистывала полученные съ почты журналы, вдругъ послышался звонъ колокольчиковъ. Всѣ настожились.

— Это къ намъ! сказалъ Дима.

— Едва-ли... отвѣтили Сергѣй Андреевичъ.— Кто-нибудь ѣдетъ мимо.

Но звонъ колокольчиковъ все приближался и приближался. Дѣти переполошились и повисли на окнахъ, Сергѣй Андреевичъ уже пересталъ слѣдить за ходомъ пасьянса, а Нина Петровна подняла голову и стала прислушиваться.

— Навѣрное, это становой приставъ... сказалъ Ѳеодоръ Степановичъ.— Это его звонки. Или Софонтьевская барыня...

Въ это время раздался лай собакъ, послышался топотъ копытъ и хрустѣнье колесъ по песку и кто-то остановился у крыльца. По заведенному обычаю, заслышавъ пріѣзжихъ, къ нимъ навстрѣчу выбѣжали горничная и Прасковья. Послѣдняя для того, чтобы таскать багажъ.

Послышался въ передней чей-то мужской голосъ, раздалось топанье ногъ и кто-то спросилъ:— Дома?

— Такъ точно! послышался отвѣтъ горничной.— Недавно пріѣхали изъ Ярославля!

Вслѣдъ затѣмъ отворилась дверь и въ ней показалась горничная.

— Господинъ Аркадій Ивановичъ Кирсановъ! доложила она.— Прикажете принять?

Сергѣй Андреевичъ вздрогнулъ, но съ достоинствомъ поднялся съ мѣста. Нина Петровна поблѣднѣла, а дѣти притихли и столпились въ кучку. Это опять пріѣхалъ тотъ самый Аркадій, о которомъ имъ сообщилъ кучеръ, когда они ѣхали отъ пристани въ Ильинское.

— Проси, проси! отвѣтилъ Сергѣй Андреевичъ.

Въ комнату вошелъ молодой человекъ смуглый, съ черными усами и въ такомъ костюмѣ, въ какомъ ходятъ только заграничей: на немъ были коротенькіе брюки, чулки и башмаки, а колѣнки были голыя. Въ рукахъ онъ держалъ шляпу съ перомъ. Но видъ у него былъ очень приличный.

— Простите, что беспокою васъ въ такой поздній часъ, сказалъ онъ, — но я уже разъ пріѣзжалъ сюда и, къ сожалѣнію, не засталъ васъ дома: вы были въ Ярославлѣ. Беспокоить-же безъ васъ вашу супругу я постѣснился и потому остановился на деревнѣ у няни моего дяди Егоровны... Очень радъ, что засталъ васъ теперь. Проѣзжалъ изъ-заграницы мимо этихъ мѣстъ и не могъ отказать себѣ въ удовольствіи познакомиться съ Вами и кстати поклониться могилѣ моего дяди...

Его усадили за столъ, дѣвушка накрыла для него ужинъ. Пока онъ ѣлъ, другая горничная устраивала для него въ комнатѣ для пріѣзжихъ постель. Тѣмъ временемъ дѣтей послали спать и, оставшись наединѣ

у себя въ дѣтской, они еще долго переговаривались между собою о пріѣхавшемъ Аркадіи. Уйдя къ себѣ, Женя еще долго не могла уснуть и все думала о разговорѣ Сергѣя Андреевича съ Ниной Петровной въ аллеѣ, когда она играла въ палочку-воровочку въ паркѣ и сидѣла, спрятавшись, въ кустѣ. Что, если онъ пріѣхалъ, чтобы отнять у нихъ все и выгнать ихъ изъ усадьбы вонъ? Куда тогда дѣнутся Дима и Вѣрочка? Что тогда будутъ дѣлать Сергѣй Андреевичъ и Нина Петровна?

И она не спала, ворочалась съ боку на бокъ, ругала себя, что не заглянула тогда въ письмо и не сообщила обо всемъ Сергѣю Андреевичу, но въ то же время совѣсть ея была спокойна и подсказывала ей, что она была права. Изъ столовой до нея доносились голоса, но изъ разговора ничего нельзя было понять, и когда наконецъ пробило одиннадцать часовъ и гость простился и прошелъ къ себѣ, то мимо ея комнаты раздались шаги Сергѣя Андреевича и Нины Петровны. Они уже шли къ себѣ.

— Зачѣмъ онъ пріѣхалъ? услышала Женя голосъ Нины Петровны. — Что ему здѣсь надо?

— Не знаю, отвѣчалъ Сергѣй Андреевичъ. — Боюсь только, что старуха все-таки знала, что онъ долженъ былъ пріѣхать еще разъ. Онъ первымъ дѣломъ освѣдомился о ней и спросилъ о ея здоровьѣ...

И они вошли къ себѣ въ комнату и заперли за собою дверь.

Затѣмъ все въ домѣ стихло и слышно было только, какъ пришелъ садовникъ и сталъ убирать уже завянувшіе цвѣты, чтобы замѣнить ихъ новыми. Онъ всегда это дѣлалъ поздно, чтобы къ утру цвѣты были какъ можно свѣжѣе. Прасковья въ это время убирала со стола. Покончивъ со своими дѣлами, они оба отправились каждый къ себѣ. Проходя мимо двери Жени, садовникъ тихонько сказалъ:

— Аркадій Ивановичъ нашъ наслѣдникъ. Онъ—единственный Кирсановъ и все это имѣніе послѣ покойнаго нашего барина должно было достаться ему. А Нина Петровна—какая же она наслѣдница? Она даже и не Кирсанова вовсе. Такъ, десятая вода на кисель! По женской линіи...

— Стало-быть Аркадій Ивановичъ пріѣхалъ сюда, чтобы отобрать у нихъ имѣнье? спросила такъ-же тихонько Прасковья.

— А ужъ это его дѣло!.. Я—садовникъ и мое дѣло—сторона!

А потомъ смолкли и ихъ голоса. Они разошлись,

Сердце у Жени забилося. Если ужъ такъ стала говорить и прислуга, то значить, что для всей этой семьи предстояла серьезная опасность. Женя упала головою на подушку и горько заплакала. Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ она еще такая маленькая, что не можетъ помочь Сергѣю Андреевичу и Нинѣ Петровнѣ и тѣмъ отплатить имъ за ихъ расположеніе и любовь?

Не спавши, какъ слѣдуетъ, двухъ ночей подрядъ, Женя опять проснулась поздно, когда встали всѣ. Ее опять никто не разбудилъ. Когда она вышла въ столовую, то Сергѣя Андреевича по обыкновенію еще не было, онъ уѣхалъ въ поле на работы. Нина Петровна заперлась у себя, а дѣти бѣгали по парку. Какъ и вчера, Женя отпила наскоро чай и побѣжала къ Егоровнѣ въ деревню. Она опять нарвала цвѣтовъ и опять захватила съ собою три кусочка сахара и щепотку чаю.

«Навѣрное, гость еще спитъ»..., подумала, она пробѣгая мимо его двери.—«Или, быть можетъ, онъ вмѣстѣ съ дядей уѣхалъ въ поле»...

Каково-же было ея удивленіе, когда, придя къ Егоровнѣ, она услышала голосъ Аркадія! Онъ о чемъ-то громко говорилъ и она отвѣчала ему слабо, чуть слышнымъ голосомъ. Думая, что онъ скоро от нея уйдетъ, Женя прошла прямо въ хлѣвокъ и стала гладить козу. Хлѣвъ примыкалъ прямо къ избушкѣ, и въ немъ было слышно отъ слова до слова все, о чемъ говорилъ Аркадій.

— А это что у тебя, няня, за часы? спросилъ онъ у Егоровны.—Въ прошлый разъ я ихъ что-то у тебя не замѣтилъ!..

Она ему что-то отвѣтила.

— Да въ нихъ что-то лежитъ, продолжалъ онъ.—Какое-то письмо! А ну-ка, посмотримъ! Это интересно!

И Женя ясно разслышала, какъ онъ его прочиталъ:—

«Моей воспитанницѣ Евгеніи, когда ей исполнится десять лѣтъ. Женя, возьми прилагаемый ключъ и отправься ко мнѣ въ библиотеку. Отпри тамъ третій шкафъ. Въ немъ, на самой верхней полкѣ ты найдешь книгу въ красномъ переплетѣ съ заглавіемъ «Притчи святыхъ отцовъ Восточной Церкви». Въ ней на страницѣ 182-й ты найдешь письмо. Въ немъ указано, гдѣ находится мое духовное завѣщаніе и кому должно принадлежать все, что останется послѣ меня».

Сердце у Жени забилося. Значить послѣ покойнаго инженера Кирсанова дѣйствительно осталось духовное завѣщаніе, и если теперь имъ воспользуется Аркадій, если оно составлено въ его пользу, или уничтожить его, если оно составлено въ пользу Нины Петровны, то вся семья Сергѣя Андреевича останется ни съ чѣмъ. Все должно достаться ему.

— Но гдѣ-же ключъ? опять послышался голосъ Аркадія.—Здѣсь сказано: «возьми прилагаемый ключъ» а его-то здѣсь и нѣтъ!

Женя вспомнила, какъ вчера что-то вывалилось у нея изъ часовъ, какъ она наступила на это что-то, и это оказалось ключомъ. Что, если теперь Аркадій догадается, что онъ лежитъ на полочкѣ подъ образомъ, и возьметъ его себѣ?

И она расплакалась, слезы брыз-

нули у нея изъ глазъ, и, склонившись къ козѣ и обнявъ ее за шею, она припала къ ней головой и плакала, плакала безъ конца. А затѣмъ она услышала, какъ Аркадій простился со старухой и какъ, его шаги раздались уже на дворѣ. Тогда она выскочила изъ своей засады, вбѣжала въ избушку и, сказавъ что-то въ привѣтствіе Егоровнѣ, быстро побѣжала къ полочкѣ подъ образомъ и съ трепетаніемъ сердца заглянула въ нее.

Драгоценный ключъ все еще находился тамъ. Она схватила его, сжала въ кулачокъ и сунула къ себѣ въ карманъ. А затѣмъ она со всѣхъ ногъ пустилась бѣжать къ себѣ домой.

— Страница 182-я, шкафъ третій, на самой верхней полкѣ... Боженька, помоги мнѣ не забыть!

Она бѣжала домой, и единственною цѣлью ея было поспѣть въ усадьбу какъ можно раньше, прежде, чѣмъ вернется туда Аркадій. И она бѣжала со всѣхъ силъ, часто падала, поднималась и бѣжала снова, сжимая въ кулачокъ завѣтный ключъ.

Когда она возвратилась домой, то Аркадія еще не было. Очевидно, онъ возвращался другой дорогой и зашелъ въ лѣсъ и она его обогнала.

Красная, запыхавшаяся, съ растрепанными волосами, едва владѣя собой, она вбѣжала къ Нинѣ Петровнѣ.

— Тетечка, милая, хорошая, доро-

гая, залепетала она.—Позволь мнѣ прочитатъ «Притчи святыхъ отцовъ Восточной Церкви!»

Нина Петровна подняла на нее глаза отъ вышиванья.

— Что это ты такъ вдругъ прониклась твореніями святыхъ отцовъ? отвѣтила она.—Прочитала-бы лучше «Хижину дяди Тома»!

— Нѣтъ, тетечка, мнѣ хочется именно святыхъ отцовъ Восточной Церкви! Это такъ интересно!

Нина Петровна поднялась и достала ключъ отъ бібліотеки.

— А въ какомъ-же это шкафу? спросила она.—Вѣдь я не знаю...

— Въ третьемъ! выпалила Женя.

«И все-то она знаетъ!» подумала о ней Нина Петровна и затѣмъ сказала вслухъ:—Много будешь знать, скоро состаришься!

И она протянула къ Женѣ ключъ. Женя торжествовала. Она опрометью бросилась въ бібліотеку, отперла третій шкафъ, достала съ его верхней полки красную книжку и стала разыскивать въ ней 182-ю страницу. Сердце ея трепетало. Найдя эту страницу, она увидала тамъ записку. Дрожавшими отъ волненія руками она поднесла ее къ глазамъ и прочитала слѣдующія строки:—

„ Мое духовное завѣщаніе находится въ потайномъ неслгораемомъ шкафу, вмазанномъ въ кабинетъ въ стѣну, около двери, выходящей на балконъ; это мѣсто завѣщено картиной, изображающей фрукты и цвѣты. Ключъ—въ фарфоровыхъ ча-

сахъ у моей няни Егоровны и, надѣюсь, онъ теперь уже у тебя въ рукахъ. Кирсановъ».

Женя ухватилась за сердце и опустилась въ кресло. Все замелькало у нея въ глазахъ. Въ первый разъ за всю свою еще недолгую жизнь она почувствовала, что ей становится дурно, и показалось, что полъ выскользнулъ у нея изъ-подъ ногъ и потолокъ готовъ былъ обрушиться на нее и задавить. Какой-то комъ подкатилъ ей къ горлу, ей захотѣлось вдругъ заплакать, громко засмѣяться и въ то-же время чувство остраго стыда за свою слабость наполнило все ея существо.

И вдругъ въ прихожей послышался голосъ Аркадія. Что, если онъ войдетъ сейчасъ сюда? Въ кабинетѣ тоже раздались шаги Сергѣя Андреевича. Онъ шелъ навстрѣчу къ Аркадію и какъ разъ черезъ бібліотеку. Женя не знала, что онъ такъ близко отъ нея, и стала теряться, какъ поступить.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? спросилъ ее Сергѣй Андреевичъ, войдя въ кабинетъ.

Она овладѣла собой, вскочила и, чтобы не выдать своего секрета, быстро захлопнула «Притчи святыхъ отцовъ Восточной Церкви» и поставила ихъ въ шкафъ на мѣсто.

Увидавъ ея такое неестественно быстрое движеніе, Сергѣй Андреевичъ заподозрилъ, что она была здѣсь тайкомъ и читала недозволенные книги, и, строго посмотрѣвъ

на нее, заперъ шкафъ на ключъ, положилъ ключъ къ себѣ въ карманъ и вышелъ изъ кабинета.

— Боже мой, что я надѣлала! воскликнула по его уходѣ Женя и схватилась за голову.—Вѣдь запи-

(Продолженіе слѣдуетъ).

ска осталась въ книгѣ, на той-же самой страницѣ, на которой и была!

И будучи уже не въ силахъ больше сдерживать себя, она упала лицомъ на диванъ и залилась горячими слезами.

К. Тр.—

СНѢЖНАЯ ФЕЯ.

У Матрены пала корова. Помимо того, что лишились въ ней друга, еще нечего стало и ѣсть. Маленькій Митька плакалъ безъ молока, Груня хмурилась, а десятилѣтней Настѣ давно уже надоѣлъ все чай да чай и хотѣлось похлебать съ чернымъ хлѣбомъ молочка. Но она была старшая, должна была входить въ положеніе, и потому и вида не подавала, что и ей безъ коровы тоже было скучно. Чтобы какъ нибудь отвлечь отъ себя докучливыя мысли объ ѣдѣ, она бѣгала въ господскую усадьбу къ дочери управляющаго Клавдіи Петровнѣ, которая давала ей читать разныя сказки. Сами господа въ усадьбѣ не жили, а только наѣзжали въ нее временами, погостить, и снова возвращались къ себѣ въ Москву. Ожидали приѣзда господъ и на этотъ разъ, и Матрена уже подумывала о томъ, не сходить-ли ей къ барину и не попросить-ли у него денегъ на корову?

— А вѣдь такъ нельзя оставаться!.. обращалась она къ дѣтямъ.

— Чѣмъ я васъ буду кормить? Митька и такъ посинѣлъ уже, хочеть ѣсть! Онъ маленькій!..

И пока она раздумывала, пріѣхали господа и жили въ усадьбѣ уже вторую недѣлю. Но пойти къ нимъ и попросить Матрена не рѣшалась, все чего-то робѣла, и такъ проходили дни за днями.

Настя сбѣгала въ усадьбу къ Клавдіи Петровнѣ и на этотъ разъ принесла отъ нея сказку о «Снѣжной феѣ».

Вечеромъ, кагда малыши поутихли и улеглись спать, Матрена усѣлась у печки и Настя стала ей читать. Матрена и сама любила слушать сказки. Въ ея безысходной бѣдности ей пріятно было слушать, какъ все въ нихъ происходило по щучьему велѣнью и какъ неожиданно богатѣли и дѣлались счастливыми несчастные люди и даже дураки.

«Вотъ-бы намъ какую-нибудь волшебницу!..» думала она, подперевъ кулакомъ подбородокъ и мечтательно глядя въ темное окно.

На дворѣ стояла зима. Надвинулась она какъ-то неожиданно, и Настя даже и не замѣтила перехода отъ топкой осенней непроходимой грязи къ снѣгу; проснувшись одна-

самого горизонта, что больно было смотрѣть. Затѣмъ солнце скрылось, вновь поползли тучи, задулъ вѣтеръ, и сталъ идти уже сухой, острый снѣгъ, который помчался цѣлыми

Спи, моя куколка!

жды ноябрьскимъ утромъ, она съ удивленіемъ увидѣла все кругомъ въ снѣгу, сосульки съ крышъ и на стеклахъ узоры. Бѣлый коверъ покрывалъ улицу, поля, и все кругомъ было такъ ярко и такъ блестяло до

облаками и сталъ замечать дорогу, избушки и заборы. На улицу уже нельзя было выйти, рано зажигали огонь и вся жизнь въ деревнѣ затихла. Стало грустно и угрюмо, и Настя уже не вѣрилось, что когда-ни-

будь опять будетъ весна и что всѣ эти голыя деревья были когда-то зелены и въ ихъ вѣтвяхъ распѣвали птицы.

Въ такую-то погоду, уложивъ дѣтей, Настя и Матрена сидѣли у огонька и занимались чтеніемъ. Настя съ трудомъ читала о томъ, какъ въ былыя времена, въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жила-была Снѣжная фея, которая была такъ добра, что всѣ къ ней обращались за помощью. Едва только выпадалъ снѣгъ и наступали морозы, какъ она уже шествовала въ своемъ бѣломъ одѣяніи по полямъ и лѣсамъ, подбирая озябшихъ птичекъ и звѣрковъ, относила ихъ къ себѣ въ хрустальный дворецъ и тамъ ихъ отогревала и сберегала до теплой весны. Однажды, въ ночь подъ Рождество, изъ города къ своей больной матери шель въ деревню маленькій мальчикъ. Онъ соскучился по своей матери, ему сильно хотѣлось ее видѣть, и онъ побѣжалъ къ ней, не смотря на то, что отъ города до деревни было болѣе десяти

верстъ. Одежда на немъ была плохая, обувь почти развалилась, — и онъ скоро сталъ замерзать. Въ это время мимо проходила Снѣжная фея. Увидѣвъ мальчика, она пожалѣла его, наклонилась надъ нимъ и спросила его:

— «Мальчикъ, куда ты идешь?»

— «Къ своей больной мамѣ, отвѣтилъ онъ.

— «Зачѣмъ-же ты здѣсь лежишь?»

Ванна.

Вѣдь ты можешь такъ замерзнуть!

— «Но я усталъ и больше не могу идти!

— «Почему-же ты не поѣхалъ и отчего ты такъ плохо одѣтъ?»

— «Моя мама бѣдна и больна и ей нечего кушать... Меня отдали въ городъ въ услуженіе къ сапожнику, но онъ бьетъ меня колодкой по головѣ и ничему не учитъ. Я такъ соскучился по своей мамѣ, что больше не въ силахъ переносить съ ней разлуку и вотъ бѣжалъ къ ней отъ своего хозяина. Но я уже больше не увижу ея никогда, такъ какъ мнѣ холодно, я замерзаю и скоро умру...

Снѣжная фея сжалилась надъ мальчикомъ, подняла его съ земли и быстро и незамѣтно перенесла его къ больной матери. Бѣдная женщина въ это время спала. Снѣжная фея положила мальчика рядомъ съ ней, а сама коснулась своей волшебной палочкой ихъ жалкой хижины, — и въ ней все вдругъ заблестало и засверкало золотомъ и серебромъ, на столѣ появились вкусныя кушанья, и сбоку, около кровати, вдругъ оказались роскошные наряды. На полочкѣ около иконы появилась вдругъ кучка золотыхъ денегъ... Каково-же было удивленіе бѣдной женщины, когда, проснувшись, она вдругъ почувствовала себя совершенно здоровой и около себя увидала своего ненагляднаго сына, а вокругъ себя такую роскошь! Въ это время Снѣжной феи

уже не было, она отправилась далѣе творить свои добрыя дѣла, и такъ они и не узнали, кому были обязаны своимъ счастьемъ, и съ тѣхъ поръ стали жить-поживать и добра наживать.

Такъ кончалась эта незатѣйливая сказка. Но на Настю она произвела очень глубокое впечатлѣніе. Что, если она тоже пойдетъ сейчасъ на улицу, отойдетъ подальше отъ деревни, ляжетъ на дорогу прямо на снѣгъ и начнетъ замерзать? Не явится-ли и къ ней Снѣжная фея и не скалится-ли надъ нею и ея матерью? Не поможетъ-ли имъ купить корову? И пока Матрена сидѣла молча, подперевъ подбородокъ кулакомъ и по обыкновенію глядя въ темное окно, въ душѣ у Насти все больше и больше созрѣвалъ планъ побѣга. Да, она попытаетъ счастье и постарается обратить на себя вниманіе Снѣжной феи. Вотъ только-бы поскорѣе улеглась спать ея мать!

На маленькихъ дешовыхъ часахъ въ одну гирьку стрѣлки показали восемь. Вѣтеръ все еще гулялъ за окномъ, и вечеръ, начавшись еще въ три часа, тянулся какъ-то длинно и бесконечно. Матрена наконецъ очнулась отъ своего глядѣнія въ стекло.

— Спать, что-ли ужъ... проговорила она и зѣвнула. — Что зря-то керосинъ жечь! Давай ложиться, Настюха!

Ионѣ раздѣлись, загасили лампочку и улеглись спать, но Настя не засы-

пала: она все еще думала о Снѣжной феѣ и прислушивалась къ дыханію матери. Убѣдившись наконецъ, что Матрена уже заснула, она тихонько вылѣзла изъ-подъ одѣяла, одѣлась, набросила на себя пальтишко и платокъ и вышла ва цыпочкахъ изъ избушки.

Было темно, и снѣгъ такъ и носился тучами вдоль деревни. Вѣтеръ подхватилъ дѣвочку и повлекъ ее за собою. Она шла быстро, чуть не бѣгомъ, и только пожималась отъ снѣга, залетавшаго ей за шею и набивавшагося въ башмаки.

Но вотъ уже деревня осталась позади. Передъ Настей потянулась въ темнотѣ дорога, вся занесенная снѣгомъ, которую только и можно было опознать по гудѣвшей проволокаѣ одинокаго телеграфа. Точно столбы плакали, что ихъ оставили однихъ въ такую погоду и позабыли о нихъ. Дѣвочка все шла и шла, угружая въ снѣгу, сердце у нея билось отъ волненія и труднаго пути,—а Снѣжная фея все еще не появлялась. Наконецъ, Настя устала, на что-то нагнулась и упала. Это оказался пенъ. Значить, она сошла съ дороги вправо. Она поднялась и, вся въ снѣгу, еле держась на ногахъ, присѣла на пенъ отдохнуть.

— Милая Снѣжная фея, сказала она,—приди ко мнѣ поскорѣе! Пожалѣй меня!

Какъ вдругъ послышался вдаль къ звонъ бубенчиковъ. Это кто-то ѣхалъ по дорогѣ. Она прислушалась.

Скоро около нея появились въ темнотѣ санки, которыми правилъ господинъ въ бобровой шапкѣ и въ большой шубѣ мѣхомъ кверху. Поровнявшись съ Настей, онъ остановился, замѣтилъ ее сбоку дороги и крикнулъ:

— Эй, кто тамъ сидитъ! Откликнись!

— Это я..., отвѣтила тоненькимъ голоскомъ Настя.

— Что ты тамъ дѣлаешь?

— Я жду, когда ко мнѣ придетъ Снѣжная фея...

— Кто?!... Да ты съ ума сошла! На что она тебѣ?

— Я хочу попросить ее, чтобы она дала намъ денегъ на новую корову... Наша издохла и теперь намъ нечего кушать.

Путникъ пожалъ плечами, привязалъ возжи къ передку саней и вылѣзъ изъ нихъ прямо въ снѣгъ. Онъ зашагалъ къ дѣвочкѣ, взялъ ее за плечо и нагнулся надъ нею. Это оказался самъ владѣлецъ усадьбы, въ которой жила Клавдія Петровна, пріѣхавшій погостить сюда изъ Москвы.

— Послушай, дѣвочка... обратился онъ къ ней.—Возвращайся сейчасъ-же къ себѣ домой! Слышишь? Иди обратно! Все это глупости! Сейчасъ ночь, ты здѣсь можешь замерзнуть и тебя съѣдятъ здѣсь волки. Иди-же скорѣе домой!

Она не отвѣтила ему и не шевельнулась. Она слишкомъ была увѣрена въ томъ, что Снѣжная фея обя-

зательно придетъ къ ней и приметъ въ ней участіе.

— Я-бы захватилъ тебя сейчасъ съ собой, продолжалъ баринъ,—но спѣшу къ доктору... Минуть черезъ сорокъ я буду возвращаться обратно и смотри ты у меня, если я тебя встрѣчу здѣсь опять! Немедленно-же бѣги домой!

Она поднялась съ пенька, онъ подумалъ, что она сейчасъ-же отправится обратно, снова сѣлъ въ сани и помчался своей дорогой.

«Нѣтъ, рѣшила дѣвочка, проводивъ его глазами и убѣдившись, что онъ уже далеко,—я обязательно должна увидѣть сейчасъ Снѣжную фею! Я останусь здѣсь еще ненадолго и подожду... Впрочемъ, нѣтъ!.. Пойду еще дальше... Авось ее встрѣчу!»...

Она попробовала было идти, но не смогла. Теперь ноги уже сами отказались ее нести: онѣ какъ-то онѣмѣли и стали точно чужими. Она хотѣла пошевелить на нихъ пальцами, но они уже не двигались. Тогда она сѣла опять на пень, но не смогла на немъ удержаться, упала и такъ и осталась лежать на снѣгу.

«Когда-же наконецъ придетъ Снѣжная фея?» подумала она.

И вдругъ ей ужасно, неудержимо захотѣлось спать. Надъ ней носился холодный, пронизывающій вѣтеръ, все еще плакала телеграфная проволока, но она уже не чувствовала и не слышала ничего и въ то-же

время не могла двинуться ни однимъ членомъ.

Спать, спать, спать!

Но что, если Снѣжная фея придетъ къ ней именно тогда, когда она заснетъ? И сдѣлавъ надъ собою усилие, Настя широко раскрыла глаза и стала вглядываться въ темноту. Но борьба съ дремотой все таки сломила ее, темная вуаль заволочла ея глаза, все въ головѣ у нея перепуталось, перемѣшалось и она склонила голову на плечо и чуть-чуть слышно произнесла:

— Милая Снѣжная фея!.. Приди ко мнѣ поскорѣй!

И дальше уже ослабѣла совсѣмъ.

И вотъ чей-то слабый, какъ музыка, голосъ вдругъ заговорилъ ей на ухо:

— Я здѣсь, Настюша!.. Открой глазки!.. Это-я, Снѣжная фея! Я пришла!

Настя почувствовала, какъ отъ этого голоса радостно затрепетало ея сердце, и постаралась открыть глаза. Одѣтая въ легкую, блестящую одежду, передъ нею стояла прекрасная дѣвушка, которая ласково улыбалась ей и была такъ легка и воздушна, что едва касалась ногами земли.

— Такъ это ты, Снѣжная фея? спросила Настя.—А я такъ долго тебя ждала! Я такъ здѣсь озябла!..

— Такъ не желаешь-ли, я сейчасъ снесу тебя къ себѣ во дворецъ? Обопришь объ меня! Вотъ такъ!

Фея взяла ее на руки, прижала

ее къ себѣ и стала подниматься съ нею на воздухъ. Вѣтеръ подхватилъ ихъ, закружилъ вмѣстѣ съ снѣжинками и понесъ къ самымъ облакамъ. Онѣ пролетѣли черезъ облака туда, гдѣ небо было вѣчно чистое и гдѣ ласково мигали звѣзды, и понеслись по небесному пространству мимо луны, брилліантовыхъ кометъ и изумрудныхъ созвѣздій въ ту сторону, гдѣ на далекомъ горизонтѣ разными огоньками блисталъ хрустальный дворець Снѣжной феи. Долетѣвъ до него, онѣ спустились и при звукахъ чарующей музыки вошли въ него. Было тепло, звенѣли сладкозвучные колокольчики, били фонтаны и распѣвали радостныя птицы.

— Ну, вотъ мы и дома! обратилась Снѣжная фея къ Настѣ.— Здѣсь я живу. Вотъ этотъ фонарикъ, который свѣтитъ у меня подъ потолкомъ,—это Полярная звѣзда. Вокругъ нея движется весь звѣздный сводъ неба. Въ мои окна смотрится утренняя заря, а эти снѣжинки которыми тебя осыпаль по дорогѣ вѣтеръ,—погляди!—уже стали брилліантами!

Дѣвочка широко раскрыла глаза и съ удивленіемъ стала озираться на всѣ эти чудеса.

— Быть можетъ, ты голодна, продолжала Снѣжная фея. —Ты хочешь ѣсть?

— Нѣтъ, благодарю тебя,—отвѣтила Настя изъ вѣжливости.—Это мой братишка Митька и моя сестренка

Груня всегда хотягъ ѣсть и плачутъ безъ молока, а я нѣтъ! Я всегда бываю сыта!

— Въ такомъ случаѣ побѣгай у меня, повеселись!

—Нѣтъ, милая фея, я не могу веселиться.

— Но почему-же? Почему?

— Потому что у насъ издохла корова и моей мамѣ не на что купить другую...

Снѣжная фея достала изъ кошелька денегъ и сунула ей въ карманъ.

— Вотъ вамъ на корову, сказала она.—Чего-бы ты желала еще?

— Я желала-бы, милая фея, отвѣтила дѣвочка,—чтобы ты отнесла меня обратно къ моей мамѣ, брату и сестрѣ!

Фея опять взяла ее на руки и черезъ все небесное пространство понесла ее обратно на землю.

Вотъ и ихъ деревня, вотъ и ихъ избышка. Фея опустилась на землю, внесла Настю въ горницу и положила въ теплую постель.

— Ложись, милая!.. вдругъ заговорила она толстымъ густымъ басомъ.—Вѣдь я-же говорилъ тебѣ, что ты можешь замерзнуть! А ты не послушалась меня и не пошла домой! Хорошо еще, что я замѣтилъ тебя на обратномъ пути и не проѣхалъ мимо! Ложись! Согрѣйте-ка для нея чайку, дайте ей напиться! Она совѣмъ околѣла!

И тотчасъ-же послышался и голосъ ея матери Матрены:

— Ахъ, батюшка-баринъ, причи-

тала она,—ужь и не знаю, какъ вашу милость благодарить!.. Дай вамъ Богъ здоровья. А я просыпаюсь,—глядь, а Настюшки-то около меня и нѣтъ! Я вскочила,—туда-сюда,—а она какъ въ воду канула! Просто измучилась душой!

И, обратившись къ самой Настѣ, она продолжала:

— Ну, гдѣ ты была, Настюша? Куда ты такъ поздно ходила? Расскажи мнѣ!

— Я была у Снѣжной феи... чуть слышно отвѣтила Настя.

— У кого?

— У Снѣжной феи...

Матрена переглянулась съ баринномъ.

— Бредить... озабоченно сказала она.— У нея, должно быть, жарь...

Но Настя никакъ не могла допустить, чтобы о ней думали, что она бредила. Она была совершенно увѣрена въ томъ, что къ ней дѣйствительно являлась сама Снѣжная фея, и водила ее къ себѣ во дворецъ. А потому, какъ она ни была безпомощна и застужена, она вскочила на постели и съ рѣшительнымъ видомъ посмотрѣла матери въ лицо.

— Брежу? повторила она.— Я брежу? А кто-же по твоему мнѣ далъ денегъ на корову, какъ не она?

— Денегъ? переспросила мать.— Какихъ денегъ?

— А вотъ посмотри у меня въ карманъ!

Настя была слишкомъ увѣрена, что

все это былъ не сонъ и что деньги дѣйствительно должны быть у нея сейчасъ въ карманѣ. И она не ошиблась. Онѣ тамъ оказались на самомъ дѣлѣ. Матрена схватила ихъ, поднесла къ лампочкѣ и сосчитала. Да, это были деньги, самыя настоящія деньги, на которыя можно было теперь купить самую лучшую корову. Но Матрена все еще не вѣрила въ Снѣжную фею. Она вопросительно взглянула на барина и по выраженію его лица поняла все.

— О, баринъ!.. только и могла она воскликнуть.

Онъ улыбнулся, отвелъ ее къ сторонкѣ и тихонько ей сказалъ:—

— Я ѣду, гляжу—у дороги что-то темнѣетъ. Я остановился, подошелъ къ ней, а она уже почти совсѣмъ околѣла и съ кѣмъ-то разговариваетъ, проситъ на корову денегъ. Ну, я и того... Сунулъ ей въ карманъ, Только ты ей ничего объ этомъ не говори!. Пусть себѣ думаетъ, что это отъ Снѣжной феи!

И онъ простился съ Матреной, надѣлъ свою дорогую шапку, вышелъ къ лошади и уѣхалъ. Матрена еще долго смотрѣла ему вслѣдъ, а потомъ вернулась къ себѣ въ избенку, отошла въ уголокъ и стала плакать. Наплакавшись отъ радости вдоволь, она перешла къ уже спавшей Настѣ и стала ее обнимать и цѣловать.

А Настя въ это время уже видѣла второй сонъ: ей снилось, какъ къ нимъ на дворъ привели новую

корову и стали ее доить. Молоко густое, вкусное, а сбоку стоятъ Митька и Груня и, предвкушая удо- густое, вольствие, нетерпѣливо переминаютъ ся съ ноги на ногу и облизыва- ются.

Гильмаръ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Шутка: По чему человекъ топчет- ся ногами, что стираетъ съ мыломъ въ корытѣ и что потомъ надѣваетъ на голову?

II.

Названія двухъ городовъ въ Центральной Россіи поставлены рядомъ и состоятъ, оба вмѣстѣ, изъ тринадцати буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13.

Буквы 8. 4. 5. 1. 9. 10. 13 означаютъ лицо, необходимое въ деревнѣ. 12. 11. 7. 11. 1. 4—принадлежность двора, 8. 7. 11. 5. 11—хлѣбный злакъ, 10. 4. 3. 4. 1. 13—одежду, 12. 6. 7. 5. 1. 4—мѣру длины, 10. 9. 1. 11. 7. 13—небольшое имѣніе, 5. 1. 7. 4. 10. 13—непріятное чувство, 1. 7. 2. 5. 13—названіе того, кто испытываетъ это чувство, 8. 6. 7. 11—часть птичьей одежды, 5. 1. 9. 3. 13—названіе мебели.

Какія это слова и названія какихъ городовъ задуманы?

III.

Вставить на мѣста точекъ недостающія гласныя буквы и прочесть начало извѣстной басни Крылова:

Н. д. р. мѣ г. в. р. тс., чт. д. л. м. ст. р. б. тс.

Какъ прочесть эту строчку?

IV.

Шутка. Когда во всѣ колокола звонятъ?

V.

За дверью сидѣлъ щенокъ. Пришелъ злой мальчикъ и отдалъ ему ногою хвостъ. Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ?

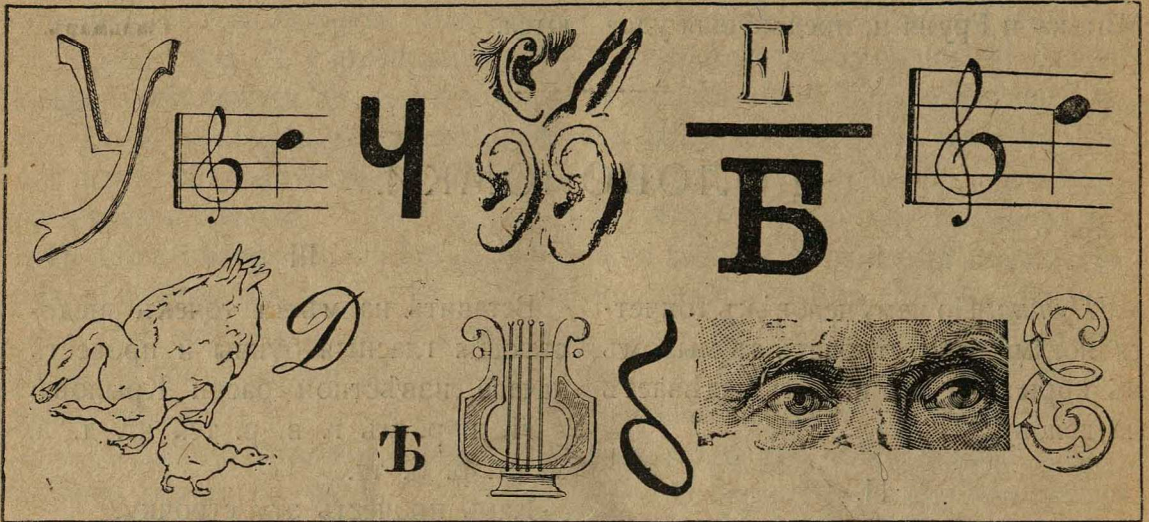
VI.

Если-бы вторая часть задуманнаго слова уничтожила все это слово, то не было-бы его первой части. Все же задуманное слово растеть на югѣ, его первую часть держутъ въ бутылкѣ, а вторая бываетъ лѣтомъ.

Какое слово задумано?

Вслѣдствіе непомѣрнаго вздорожанія красной краски и типографскихъ работъ, обложка на «Золотомъ Дѣтствѣ» временно будетъ выпускаться бѣлой, а не красной.

Ребусъ № 9.

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ и головоломки, будутъ напечатаны).

Рѣшеніе головоломокъ и ребуса, помѣщенныхъ въ № 6 «Золотого Дѣтства».

Головоломки: I., 1., За заборами. 2., Слонь можетъ прислониться, а рояль прироялится не можетъ. 3., За домъ собака бѣгаетъ тогда, когда ее позовутъ туда съ задняго крыльца. 4., По матеріи. 5., По рельсамъ. 6., По волнамъ. II., Двое слѣпыхъ были сестры, а сопровождавшій ихъ—братъ. III., Путнику нужно было идти прямо. IV., Труба, грибъ, берегъ, нитка, табакъ, тигръ, катеръ—Екатеринбургъ. V., Ми+нога=минога. VI., По шести.

Ребусъ № 7: О+колоколъ+басы+со+бра+лось+м+ножь+ест+еъ+о+мышь+ей = Около колбасы собралось множество мышей.

Рѣшеніе головоломокъ и ребуса, помѣщенныхъ въ №7 «Золотого Дѣтства»:

Головоломки: I., Отъ дерева. II., Лоть, ремонтъ, молоть, лото, орель, воронъ, теремъ, тетеревъ, воротъ, лорнетъ, моментъ—Лермонтовъ. III., Игла и нитка. IV., Съ сестрой.

Ребусъ № 7: Дѣ+в+очки+с+ели+око+ло+к+уста+си+ре+ни+и+г+ромъ+коза+п+ели = Дѣвочки сѣли около куста сирени и громко заплели.

Фамилии подписчиковъ, приславшихъ вѣрныя рѣшенія напечатаны на послѣдней страницѣ обложки къ этому номеру.

СЪ РАЗНЫХЪ КОНЦОВЪ.

(игра—приложеніе къ этому номеру).

Играющихъ двое. Одинъ начинаетъ съ цифры 1, другой—съ цифры 2. Каждый запасается пуговицей.

Бросаютъ по очереди косточку и по прилагаемому плану игры продвигаютъ пуговицу на столько квадратиковъ впередъ, сколько на косточкѣ выйдеть очковъ. При этомъ случайности:—

1., Если пуговица станеть на темный кружокъ, то игрокъ передвигаетъ ее еще на *два* квадратика *впередъ*.

2., Если пуговица станеть на полосатый квадратикъ, то игрокъ передвигаетъ ее на *два* квадратика *назадъ*.

3., Если пуговица станеть на полосатый кружокъ, то другой игрокъ получаетъ право бросить косточку не въ очередь.

4., Если пуговица станеть на полосатый квадратикъ съ кружкомъ, то игрокъ, начавшій съ цифры 1, если эта пуговица будетъ его, долженъ возвратиться на 12 квадратиковъ назадъ, а игрокъ съ цифры 2 получаетъ пять ходовъ впередъ, если эта пуговица окажется его.

Цѣль игры: Игрокъ съ цифры 1 долженъ стать на цифру 2, а игрокъ съ цифры 2 долженъ добраться до цифры 1.

Если во время игры пуговицы встрѣтятся на одномъ и томъ-же квадратикѣ, то игроки мѣняются мѣстами и продолжаютъ затѣмъ игру далѣе уже каждый за другого.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1917 годъ

НА ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. Чехова.

Выходитъ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ (24 номера въ годъ).

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЬ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
12 ИГРЬ для дѣтей.
24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (раскрашенные въ четыре краски).

СОБЫТІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ ГОДОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

1) КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТРЪ.

2) Книга съ иллюстраціями:

❖ ❖ ❖ **СО ДНА ПРОПАСТИ.** ❖ ❖ ❖

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ
5 р. 80 к., на полгода 2 р. 90 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ, Каменноостровскій проспектъ, 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петрограда.

5 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель **М. П. Чеховъ.**

Вѣрные рѣшенія головоломокъ и ребусовъ, помпическихъ въ № 6 и 7 «Золотого Дѣтства» прислали: Т. Запольская, И. Максимова, Е. Евтушевская, К. Бабычъ, Т. Кокушина, В. Иванова, Н. Жданова, О. Королева, съ братомъ, М. Ремизовъ, Н. и Л. Тлустовскія, М. Тумуль, Н. Шуплякъ, Г. Канъ, О. Вальгардъ, З. С. и М. Трофимовы, Э. Бойрманъ, К. В. и Т. Соболевы, М. Вейштордъ, Л. Калика, Л. Шереметьева, К. и П. Балунины, Г. Тиманова, Н. Ефимова, Г. Громбергъ, А. Отрожденновъ, Семейство Гаякиныхъ, Э. Малевичъ, Н. Висковская, Дѣти Корфъ, Е. Аткаина, М. С. и С. Шлыкъ, Т. Кондратьева К. О. и Н. Тарновскіе, И. Пѣвцова, Ц. Брирманъ, Н. Янсенъ, Д. Цыбинъ, Б. Кноррингъ, В. Пяславская, Дѣти Липскія, Ю. В. Апышковы, Г. Осолодковъ, А. Ивановъ, З. Мятсегова, Н. Звѣздочетовъ, Н. Губаръ, Ж. и Б. Бяликъ, Н. Горячева, А. Мюзеръ, Г. Кроопъ, Т. Ерозолимская, Е. Михайловскій, С. и Л. Миримановы, К. Карякинъ, Б. Вечесловъ, М. и П. Семеновы, Галюсенька, П. и Е. Келоссы, В. и Н. Дубинины, А. Чмыхъ, Братья Рышеславцевы, В. и Т. Пальмскіе, А. Нарковичъ, В. Штеллеръ, М. Ассъ, Н. Паининъ, Д. и Н. Любасовы, И. Марковичъ, Я. Шамовичъ, В. и К. Абашины, Г. и К. Леммергиртъ, А. В. Козиненко, В. Леонова,

П. Квасниковъ, В. и С. Кондратьевы, В. Минкевичъ, Ж. Соловьева, С. Лукичева, Л. Осѣкинъ, К. Смирновъ, М. М. и Г. Гедде, Ю. Машгаковъ, М. Горюшковъ, Н. Савельева, Д. и И. Абрамсонъ, Н. Давидова, Л. Елзьева, А. Родионовы, Василеостровскіе козлики, А. Оводова, А. и Д. Экслеръ, В. Галенковскій, К. М. и К. Офросимовы, М. Четчусва, В. Рощанъ, О. Гедике, К. Приходина, С. Байковъ, Н. Изюмова, В. Знаменскій, М. Скороходова, Н. Чистотинъ, Н. Зернова, Л. Богданова, В. Горохова, М. Скороходова, Н. Осипова, Л. Бардская, Д. Юрченко, А. и І. Мизрохъ, Э. Беклеръ, Б. Давыдовъ, П. Чирковъ, Б. Петерсонъ, Н. и Н. Русаковы, Т. Николаевъ, Г. и П. Сыревичи, З. Лукинская, Н. и Р. Кирилловы, А. Марковъ, Дикманъ, Ж. Шербакова, Н. Ефимова, С. Цѣликовъ, Ф. Бутнеръ, Н. Будилова, С. Михѣевъ, Г. Некрасова, Т. Каменьева, П. и С. Темировы, Ученицы Покровской Козленской школы, Г. Бердосовъ, К. Дороховъ, Горобецъ, М. Бойцова, Л. Крымгольцъ, Л. Страуманъ, А. Лебедевъ, В. Богданова, В. Ссойлева, О. и Б. Курочкины, Ф. Герлахъ, В. Чернявскій, К. О. Мантѣева, В. Карелинъ, И. Могилинковъ, Е. Демичукъ, А. Филатова, В. Бабицкая, Б. Андрониковъ, Н. и К. Халдиновы.

